

Участок «Спецподводстрой» или, как мы его называем, Моряцкий поселок, приткнулся к самому берегу одной из протоков реки Надым. Зимой в нём обитает лишь несколько человек да собачье семейство – Рыжий и Ритка с очередным выводком. А вот летом жизнь и впрямь кипит. Маленькое юркое судёнышко «Вихрь», управляемое нашим другом, капитаном и писателем в одном лице, Борисом Кожуховым целый день перевозит морячков и другой рабочий люд к месту основного действия – земснарядам. С началом навигации здесь ведутся плановые ремонтные работы – выемка грунта для газопровода, тянущегося по дну реки.

В выходные население посёлка утраивается: друзья, родственники наезжают сюда по грибы и ягоды. Нередкие гости и «служители муз» – местные поэты и прозаики.

...Нынче мы к Борису приехали вдвоём с подругой Татьяной. Бруснику хоть косою коси! Ведёрки наполнялись быстро. А вот гриба маловато-с. И стала я не хуже зайца петли по лесу крутить в надежде, что меня-то грибы найдут непременно. Уверовав в свои ориентиры, решила самостоятельно обследовать близлежащий участок леса.

Пуповина, связывающая меня с дорогой вдоль протоки, оборвалась внезапно. Гнус, которого в наших местах в изобилии, вдруг перестал реагировать на «Детту». Я поставила полнёхонькое восьмилитровое ведро грибов – маслят и подберёзовиков, бросила рядом совок для сборки брусники, целлофановый пакет с морошкой и огляделась... По правую сторону сквозь поваленные, искорёженные деревца проглядывала салатная полоска болота. Такой цвет характерен небольшим озерцам, дно которых – сплошь липкая вонючая жижа. В резиновых сапожках под коленку нечего и соваться...

Слева, отесняя растительность, вздыхали моховые подушки, усеянные морошкой. Эта ягодка-малинка, выглядывающая на торфяных болотах с тонкой камышиной ножки, здесь утопала и раскисала во влажном мху. Такие же, пропитанные влагой, стояли хилые подберёзовики. Я заблудилась? Настроенные антеннами уши уловили в лесной какофонии рабочий шум реки!

Приободрённая, схватила ведро, совок, пакет с морошкой и рванула покорять преграды... Но скоро меня ждало разочарование: куда ни глянь – плантации болот с вкраплениями ивовых кустарников и берёзок да болотные кочки... Когда-то для дочери я написала «болотную инструкцию»:

*На болоте нет дороги,
Не спеши, гляди под ноги.
Мхом покрыты островки,
Ямки, кочки, бугорки –
Всё колышется и дышит,
Каждый шаг болото слышит.*

*Если я на кочку – скок!
Кочка всхлипывает – чмок.
Приседает шумно – о-ох!
Я шагнула – плавный вздох.*

И не только слышит, но и в любой момент готово «поиграть» с тобой: выберешься – не выберешься... Вот тут-то я и вспомнила о своей героине. Её маршрут проходил вдоль бывшей «железки», мой – за нулевым километром, есть у нас такой. А в остальном, мамочки родные, – один к одному...

Правая нога, соскользнув с кочки, медленно, но верно засасывалась. Ведро я уже оставила «лесным людям» и теперь поняла, что пора расстаться с совком, висевшим на шейном платке пудовой гирей. Добравшись до лоскутка чудом сохранившейся земной поверхности, рухнула на прелые листья. Гнус не церемонился. Вязаная шапка, натянутая на лицо, лишь горячила азарт снайперов. Перевернулась на живот. И тут же сотни игл вонзились в шею и голову. Ну уж нет! Поднялась.

За спиной и впереди – его величество болото. В душе – раздражение на собственную жадность и самонадеянность – вишь, грибка захотела. Перед глазами – дочь, больная мама, родные... Только бы флюиды скребущей под сердцем тревоги не дошли до них! Неужели мне суждено сгинуть по собственной глупости? На Севере этим не удивишь...

Я стала вытеснять тоскливые думы обрывками некогда слышанных песенок: «Куда ты, тропинка, меня завела?», или того «идиотичнее»: «Куда? Куда вы удалились?» ...Мысленно представила план местности. Если около четырёх часов я иду в другую сторону от протоки, то откуда шум земснаряда? Или, как реке и положено, она огибает это вместилище кикимор и водяных?

С трудом стащила сапоги, отжала носки, опять натянула. Бодро пошла к сухой облысевшей ели. Нам ли печалиться? Сейчас влезу на макушку и увижу берег моего спасения. Но не тут-то было. Первые же сучья хрустнули и обломились, я неуклюже завалилась, и мне ничего не оставалось, как охать и потирать разодранные в кровь ладони...

Страшно хотелось пить. От быстрой и трудной ходьбы внутренности огнём горели. От морошки мутило, и я с вожделием смотрела на заболоченный край очередного озерка. Подобрала две подходящие палки и, прощупывая перед собой студенистое месиво, добралась до воды. Дрожаящими от нетерпения руками набрала живительной влаги в пакет. Боже мой, как она вкусна, настоящая на болотных травах водица! Так бы пила бы и пила, не отрываясь...

Солнце меня потеряло. Небо заволокло мутное бессилие. Во что бы то ни стало нужно выбраться из болот до полной темноты, а это часов до двадцати трёх. К началу сентября белые ночи меняют одежды. Наверняка всполошился посёлок. Татьяна переживает... Борис... Ищут поди...

Передо мной, переливаясь изумрудами всех оттенков, качалось пятое по счёту болото. Я сидела, облепленная комарами, на мшистом клочке земли и взывала ко всем святым. Прочитала Отче Наш. Нет, не так бы нужно: что это за бубнёж под нос? Надо бы упасть на колени, завывать, запричитывать, так чтобы водяным страшно стало. Покаяться в грехах. Я же как-то понарошку и заблудилась, и к Богу понарошку взываю. Да и далеко Он, ой далеко... А совсем рядом – отчаяние, готовое вот-вот вцепиться в горло...

Будто въявь увидела святую Матрону, книгу о житии которой буквально три недели назад в Москве мне подарила Валюша.

Блаженная старица, слепая от рождения, почила в 1952 году. Свидетелей её чудес год от года становится всё больше.

Так вот обращаюсь я к Матроне со словами: «Мати, святая Матронушка! Помоги рабе грешной...» А она смотрит на меня добрыми голубыми глазами, внимательно смотрит, улыбается и говорит будто: «Ничего, девка, выйдешь. Но сначала испытай себя». А я верю и не верю увиденному, – может, это моё воспалённое воображение рисует?

...За болотом опять озерцо, потом проточка. Но ведь выбралась! К большой реке!

У самой воды вмятины от мужских сапог! Я ликовала: ну вот, иду верно, ещё маленько – и в посёлке. Пологий бережок быстро кончился, и мне пришлось карабкаться наверх. У наших северных рек берега – сплошь обрывистые, с вывороченными корнями деревьев. Порой кажется, что реки образовались в результате разлома земной коры.

Маломальские проплешины песка у воды мигом стоняли вниз. И опять следы человеческого пребывания. Вот, например бутылка из-под водки. Этикетка наполовину сползла, но не мешает радостному глазу распознать – «Столичная». Рядом раскисшая карамелька, картофельная кожура. Сograждане развлекались...

В небесной мути проявлялись очертания звёзд и луны. Не мешало и передохнуть. Но если днём одолевал гнус, то теперь ощутимо похолодало. Забираться в лес не хотелось, а от реки тянуло осенним холодком. Одежка на мне – так себе. Куртку в посёлке оставила, её функции слабо выполняла «энцефалитка» с капюшоном. Плюс мокрые ноги. Три-четыре минуты привала – зуб на зуб не попадает. Сентябрьские ночи не располагают ко сну на открытом воздухе.

Свершилось! С противоположного берега тёмными оконцами на меня смотрел охотничий домик. Может, спят? Моторная лодка на приколе. Я стала бегать взад-вперёд, махать руками и кричать: «Э-ге-гей! Люди! Кто-нибудь, отзовитесь!» Безмолвие. И кроме того, обмелевшая здесь река плавно переходила... в ненасытное болото. Махнув на прощание несбыточной мечте обогреться, я поспешила берегом в обратный путь, веруя в то, что посёлок где-то рядом...

Звёзды разгорались всё ярче, а обросший лесом берег всё больше погружался во тьму. Сколько часов я в пути? Восемь, девять? Вечность? Два костыля из подручных средств стали моими глазами. Прощупаю правым перед собой, правой ногой шагаю, левым – левой. Как шею себе не свернула, кубарем не слетела с крутизны да в воду?! Спасибо ивовым кустарникам да корягам-раскорякам, ловившим мои ноги в свои рогадины.

В очередной раз вскарабкалась по бурелому. Откуда-то из чрева леса шёл яркий свет. Забыв о данном себе обещании не заходить вглубь, я как сомнамбула, не отрывая глаз от зовущего огня, пошла на него. Ноги и руки двигались машинально, чётко следуя приобретённым навыкам ходьбы в темноте.

Сначала подумалось, что это охотничья заимка приветливо манит оконцем. Борис рассказывал нам о Робинзоне-отшельнике. В брошенной избушке, утеплённой оленьими шкурами, что на берегу реки Правая Хетта, я даже сфотографировалась. Кому понравится вторжение в его одиночество? Вот он и построил себе новое убежище. Неужто чаем не напоит? Однако манящий свет становился выше и выше. И тогда мне

подумалось, что я на пути к посёлку, в центре которого горит большой фонарь. Вот всполошу-то народ!

Наконец вышла на небольшую полянку, задрала повыше голову и ахнула: на меня, нагло усмехаясь, смотрела... криворотая яркая луна. С губ произвольно слетело: «Тьфу ты, чертовщина какая-то. Чтоб тебя...» У кого-то я читала: «...фонарём луна...». У Алевтины? В сердце прокрался холодок страха: за каждым деревом чудились тени. Сбравшись с духом, я развернулась на сто восемьдесят градусов и отправилась на исходную позицию. Под ногами хрустели ветки, чавкал прелый лист, подставляли подножки коряги... Лишь у реки расслабилась и позволила себе ненадолго прикорнуть у сосны...

Река коварно виляла, уводила от основной дороги в образовавшиеся озерцовые и болотистые рукава. Перебираться помогали всё те же порушенные деревья, сплетавшиеся стволами над водой иногда на высоте до двух-трёх метров. Ну не зря же в девчонках я занималась спортивной гимнастикой, и упражнения на узеньком бревне не считались чем-то сверхъестественным.

Дыхание живой реки бодрило и помогало прогонять ночные призраки. Я желала лишь одного – рассвета.

Как же трудно нарождается день! Как неохотно гаснут звёзды. Как медленно затягивает их зрачки утреннее «молоко»... Серое унылое утро не радовало. Я грустно ухмыльнулась – солнце взяло отгул. Сколько я иду? Какое сегодня число? Кто я и зачем?

Крутой берег сменился пологим, река мелела на глазах. Несколько раз пыталась перейти вброд, возвращалась, наевшись сапогами студёной водицы. Но жажда не оставляла. Я продолжала черпать воду пригоршней и пить, пить...

Набрела на место звериного водопоя. Вот эти почти круглые копытца, аккуратно впечатанные в песок, – очевидно, лося. Эти – собаки или волка. А вот – похожие на следы босоногого человеческого гиганта, – принадлежат не кому иному, как хозяину здешних мест – мишке косолапому. Рядом, чуть поменьше, – его отпрыску.

Любопытство сменило удивление: я всё так же одна, но мне совсем не страшно. Почему? Я же не биологический робот, идущий по заданной программе. Просто изменились отношения с природой? Она приняла меня, она не обижает меня, – я стала частью реки, леса, его обитателей. Но и в новом качестве по-прежнему хочу домой. Инстинкт самосохранения обязательно выведет меня. Иначе и быть не должно.

...Измерила палкой глубину. Над водой осталась большая её половина. Вброд и ни шагу назад! Скользкий глинистый берег нехотя запустил меня в сухой лесок. И опять впереди этот странный шум... Кое-как стянула сапоги. Одну ногу свело судорогой, я некоторое время растирала стопу. И только потом повторила утомительную и в общем-то бесполезную процедуру выкручивания носков...

Крепенький невысокий лесок пестрел семействами маслят и сыроежек. Бери – не хочу... Накрапывал дождик. Сказывалась усталость. Глаза хотели видеть лишь то, что помогло бы согреться и уснуть. Сваленная гора деревьев опять привиделась охотничьим домиком, а причудливо изогнутый кедр – охотником... А скоро, как и моя героиня, увижу врачей, железнодорожников, водителей...

Лес кончился неожиданно. Я ступила на дорогу, накатанную большегрузными машинами. Линии высоковольтной передачи звали в обе

стороны. Куда идти? Ах да, направо. На шум конечно. Как оказалось – «каэски» – компрессорной станции, что в противоположной стороне от посёлка...

Сколько я шла? Час, два, три? Дождь давно не стеснялся в выражениях, но жажды не утолял... Всамделишный трактор жёлтого цвета шевелился в отдалении. Протёрла глаза. Боже мой, неужели я вышла?

Но не тут-то было: дорогу жизни опять пересекла проточка. «Уралы» и «КамАЗы» эти лужи как ничего перескакивают. А я? Костыль, мой измерительный прибор, уходил под воду вместе с рукой... От обиды впервые дала волю слезам. Быть рядом с людьми и не дойти. Двинула в обратную сторону, вдруг да транспорт какой объявится? Напрасно. Субботний день или воскресный? Непогода к тому же. Палка зацепилась за куст – серый зайчишка что было сил бросился наутёк.

Я решительно повернула к протоке. Семь бед – один ответ. Авось по шею-то переберусь?! Сделав шага три в воду, потеряла твердь под ногами. Течение подхватило меня и понесло. Только бы сапоги не смыло! Да и пловчиха аховая. И опять выручил хватательный рефлекс. Чуть подгребла и уцепилась за прибрежные кусты. Ещё рывок, ещё. Фу, кажется, выбралась...

Проваливаясь по колено в грязь, потащила себя вперёд. На пути вырос «Урал», тот самый, что и в Африке «Урал». А изумлённым глазам двух пассажиров, делавших по долгу службы замеры давления в крановых узлах газопровода, предстало нечто... Синюшное мокрое существо (температура воды в реке плюс шесть, воздуха – восемь), дрожа от холода, попросило немедленно отвезти в посёлок «Спецподводстрой». В противном же случае обещало скончаться у колёс техники...

Две сильные мужские руки за шиворот, как котёнка, втащили меня в кабину, включили печку. По радиации позвонила в город... Потом мои сапоги сушили на радиаторе машины. Я же мало-помалу согревалась в свитере грубой шерсти поверх мокрых одежд и рабочем полушубке, бережно наброшенном на плечи. То и дело впадала в дрему. Устыдившись слабости, с трудом разлепляла веки и всё интересовалась: до которого часу рабочий день у газовиков, ведь на дворе глубокие сумерки? И Владимир с Виктором снова терпеливо объясняли, что по лесу я «гуляла» всего сутки, а не полтора. И сегодня 3 сентября 1999 года, суббота, десять утра.

Потом завезли в посёлок, где был сорван график работы из-за поиска нерадивой гостьи... Меня обступили плотным кольцом, улыбались, радовались, что-то спрашивали. Борис сунул в руки открытку с изображением Пресвятой Девы Марии с Младенцем. Сказал, что когда в заброшенном вагончике, сто раз обшаренном, вдруг нашли эту бумажную икону, поверили в то, что найдусь...

На самодельной карте поисковой группы пунктиром прочертила свой маршрут. Беря в расчёт «неблагоустройство местных дорог», я прошла за сутки около пятидесяти километров...

Говорят, что именно в экстремальных условиях человек расходует запас прочности, данный ему от рождения свыше... И каждой душе отпущены свои «семь» суток, и каждый идёт на «шум» своей реки...

Ровно через неделю мы с Таней снова собирали бруснику вдоль старой дороги Моряцкого посёлка.